

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

**АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ
ГЕНКО
(1896—1941):
ПАМЯТИ
УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА**

16 ноября 1996 г. минуло 100 лет со дня рождения А. Н. Генко, лингвиста, историка, этнографа, неутомимого исследователя Кавказа. Дата эта прошла мимо внимания нашей востоковедной общественности. Хочется надеяться, что публикуемые здесь материалы восполнят это досадное упущение, предоставив читателю сведения о научной деятельности и некоторые подробности о трагической судьбе ученого, посвятившего всю свою недолгую жизнь, оборванную в заключении, всестороннему изучению народов Кавказа.

Распад Союза, возникновение «горячих точек» в Кавказском регионе и другие суровые реалии нынешней жизни затруднили подготовку (получение информации из республиканских архивов и т. п.) данной публикации. Тем не менее из развалин Чеченского государственного университета в г. Грозном пришла статья о Генко — лингвисте, написанная доцентом кафедры русского языка Абузаром Алиевичем Сумбулатовым, которому мы обязаны спасением архива А. Н. Генко во время печально известного штурма города. Информацию о Генко — этнографе с оценкой его роли и места в российском кавказоведении представил сотрудник Института этнографии и антропологии РАН (г. Москва) Юрий Дмитриевич Анчабадзе. Воспоминаниями о встрече с Генко в тюремной камере поделился доктор исторических наук арабист Теодор Адамович Шумовский (г. Санкт-Петербург).

Впервые издается речь А. Н. Генко, посвященная памяти академика-лингвиста Н. Я. Марра. Эта речь и ряд других материалов (воспоминания об отце, выписки из следственных дел, библиография трудов А. Н. Генко, перечень материалов, характеризующих его жизнь и деятельность, подстрочные примечания) подготовлены для данной публикации дочерью ученого Галиной Анатольевной Генко (г. Санкт-Петербург).

научного равноправия наименее известных народов Кавказа с мировыми культурнейшими народами Запада и Востока. Лишь при этом условии мы сможем сказать, что Н. Я. жил и работал среди нас — востоковедов не напрасно, что дело его в этой части в надежных руках коллектива работников советского востоковедения.

Из воспоминаний об отце (А. Н. Генко в кругу семьи и друзей)

Г. А. Генко
(Санкт-Петербург)

В памяти близких отец остался человеком, для которого главным делом жизни была работа. Ей он посвящал дни и ночи. Будни семьи проходили под шепот: «Тише, папа работает». Специфический режим бытия не помешал, однако, обретению многочисленных знакомых и друзей.

Много лет отец был связан большой дружбой с Федором (Фридрихом) Александровичем Розенбергом¹, длившейся до кончины Ф. А. в 1934 г. и запечатленной в записках и письмах на нескольких языках Запада и Востока, которыми друзья обменивались в дополнение к частым встречам.

Бликие отношения связывали отца с ФАФом — Федором Артуровичем Фиельструпом (погиб в тюрьме в 1933 г.)², а также с семьей Бонч-Осмоловских — Глебом Анатольевичем и Ольгой Георгиевной. Вот они все вместе на поблекшей фотографии 1931 г.: ФАФ с супругой Еленой Михайловной Пещеревой³, Бончи с двумя сыновьями, отец и мать со мной на руках. Встречи этой компании сопровождались бурными политическими дебатами, особенно яростными между отцом и Г. А. Бонч-Осмоловским⁴. Подробности красочно описаны в статье Н. И. Платоновой о Г. А. Бонч-Осмоловском. Показательно, что, не-

¹ Ф. А. Розенберг (1867—1934) — востоковед, сотрудник Ин-та востоковедения (1902—1934), Яфетического ин-та РАИМК (1919—1929), ИНБУК, Гос. Эрмитажа (1928). Член-корреспондент АН СССР (1924).

² Ф. А. Фиельструп (1889—1933) — востоковед, этнограф, сотрудник Русского музея. Погиб в тюрьме во время следствия.

³ Е. М. Пещерева (1897—1985) — иранист, тюрколог, этнограф, лингвист, специалист по Средней Азии, преподаватель ЛГУ.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский (1890—1943) — археолог, антрополог, этнограф. Сотрудник Русского музея, ЛГУ (20-е гг.), ГАИМКа и ГИНа (1930—1933). Был арестован и отбывал срок в Воркутлаге (1933—1936). В связи с запретом на проживание в Ленинграде и Москве работал на хуторе в Лен. области по договорам с издательством АН и Ин-том антропологии МГУ (1936—1941). С 1941 г., после снятия судимости, — доктор исторических наук, сотрудник ИИМКа; в эвакуации в Казани работал также в Ин-те физиологии АН и преподавал в Казанском пединституте и университете.

смотря на различие воззрений по поводу политики партии и роли лично тов. Сталина в жизни страны, в ведомстве Ежова оказались оба спорщика. После выхода на свободу их взгляды не претерпели изменений — каждый остался при своих, и дебаты продолжались.

К числу друзей отца безусловно относился Заурбек Куразович Мальсагов¹. В разговорах со знакомыми отец часто вспоминал самого Заурбека и других Мальсаговых — Дошлако² и Тамару Тонтовну³. Часть членов этой семьи я разыскала в 1957 г. в Киргизии, куда ингуши были депортированы. В дальнейшем моя мать много лет переписывалась с ними.

В предвоенные годы наш дом нередко посещали сотрудницы Кавказского кабинета ИВ АН Ксения Александровна Ракитина⁴ и Людмила Филипповна Векслер⁵, приходившие всегда вместе. Беседы о служебных делах, угрожающей обстановке в стране и академических институтах перемежались с остросюжетными анекдотами, чаще всего в выразительном исполнении Векслер.

Всегда радостным событием было появление в доме Василия Ивановича Абаева⁶. Отец и В. И., поговорив о работе, обсуждали трагические события в Академии и малоутешительные новости с Кавказа. А меня В. И. учил петь «Нам не страшен серый волк...». Уже после кончины отца В. И. многие годы согревал вниманием и заботой нашу осиротевшую семью.

С шутками и прибаутками прибегал к нам молодой, пышущий энергией Леонид Иванович Лавров⁷ и обычно радостно сообщал отцу: «Вот опять принес вам работенку на ночь!»

С приходившими в дом знакомыми нередко заходил разговор о Марре и его учении. Отец часто повторял: «Николай Яковлевич был

¹ З. К. Мальсагов (1894—1935) — лингвист, литератор. Зав. Отделом народного образования Ингушской АО (1924—1925), директор Ингушского НИИ краеведения (1930), председатель Ингушского литературного общества (1931).

² Д. Д. Мальсагов (1899—?) — литератор, сотрудник Горского педагогического ин-та, ученый секретарь Ингушского НИИ краеведения.

³ Т. Т. Мальсагова (?—?) — преподаватель Чечено-Ингушского педагогического ин-та, жена З. К. Мальсагова.

⁴ К. А. Ракитина (1909—1979) — грузиновед, сотрудник ИВ (1932—1938), ГПБ (1938—1941, 1943—1952), главный хранитель отдела Востока Гос. Эрмитажа (с 1952).

⁵ Л. Ф. Векслер (1909—1965) — иранист-литературовед. Работала в ИВ, в Гидрографическом управлении Ленинграда, Гос. Эрмитаже, ГПБ, библиотеках Военно-морского музея и Ин-та физкультуры им. Лесгафта.

⁶ В. И. Абаев (1900—2001) — доктор филологических наук, научный сотрудник Ин-та языкознания (1928—1927), зав. кафедрой Северо- и Юго-осетинских педагогических ин-тов (1942—1944), почетный академик Российской академии естественных наук, действительный член Азиатского королевского общества Великобритании и Северной Ирландии, член-корреспондент Финноугорской академии (Хельсинки), лауреат премии Коста Хетагурова.

⁷ Л. И. Лавров (1909—1982) — этнограф, историк, сотрудник ИЭ, зав. отделом Кавказа и Средней Азии ИЭ, доктор исторических наук (1967).

болен, тяжело болен». Неоднократно он зачитывал цитаты из творений учителя и спрашивал: «Разве мог такое написать нормальный человек?» Однажды Векслер стала декламировать стишки: «Не пищи ты, злой комар, там, за печкой русской, голос твой услышит Марр, примет за этрусский...» — и т. д. Отец сказал: «Недуг Н. Я. — повод для горького сожаления, но никак не ядовитых насмешек». В другой раз при обсуждении кого-то из приверженцев «нового учения» отец возбужденно выкрикнул: «Это не его собственное помрачение, а эксплуатация чужого в корыстных целях!»

В речи памяти Марра, произнесенной отцом в 1935 г. и впервые здесь публикуемой, медицинский аспект проблемы «нового учения», естественно, не отражен. Не позволили специфика жанра и любовь к тому Марру, который умер задолго до своей физической кончины.

Последний раз я видела отца 2 сентября 1941 г., в день его второго ареста. Охота за ним началась с утра. Дома не обнаружили. Ту ночь он провел на Васильевском острове (поближе к работе), затем пошел в Университет и в ИВ АН. Вскоре, однако, его отловили и привезли домой. В квартире перевернули все вверх дном; проклиная обилие книг и бумаг, нагребли пару чемоданов. Я прижалась к отцу. Один из троих сказал: «Не плачь, девочка, папа скоро вернется». Отец подчеркнуто внятно произнес: «Моей дочери ваша ложь не нужна». Забрав отца и чемоданы, они ушли. Нам с матерью спуститься вниз не разрешили. Пока открывали окно, машина тронулась.

А. Н. Генко — заключенный

А. Н. Генко был арестован дважды — в 1938 г. и в 1941 г. Ознакомиться с материалами следствия и сделать из них приведенные ниже выписки удалось лишь в 1991 г.

При первом аресте А. Н. выступал в качестве «однодельца» Л. Ф. Векслер, с которой был связан служебными и дружескими отношениями.

Дело № 44537 Векслер Л. Ф. по статье 58-10¹ (Общий объем 300 с.)

1. Из Протокола допроса Бертельса Евгения Эдуардовича 19 мая 1938 г. (с. 53).

С.: Вы знаете Векслер Людмилу Филипповну?

Бертельс: Да [...]

С.: Дайте [...] об антисоветской деятельности Векслер Л. Ф.

Бертельс: [...] высказывала полное негодование моим выступлением и этих троцкистов-зиновьевцев назвала мучениками, которые пострадали

¹ Сохранены орфография и пунктуация подлинника, проведенные мной несущественные для содержания сокращения обозначены [...]. Прописное «С.» везде означает слово «Следователь».

невинно. Мне также неоднократно приходилось слышать, когда Васильев Б. А., Казакевич В. А. и Щуцкий Ю. К., ныне арестованные, вместе с Векслер Л. Ф. в Институте Востоковедения рассказывали антисоветские анекдоты. Векслер Л. Ф. всегда являлась инициатором и застрельщиком антисоветской пропаганды.

Далее в показаниях свидетеля Бертельса отмечается также, что у Векслер дома собирались вместе Васильев Б. А., Казакевич В. А. и Щуцкий Ю. К. Векслер Л. Ф. полностью подтвердила это, сказав, что они «вместе выпивали».

2. Из Протокола допроса Генко А. Н. 1 ноября 1938 г. (с. 55).

Генко А. Н. делает признание в том, что занимался антисоветской деятельностью: «В связи с арестом ряда научных сотрудников я утверждал, что Советская власть разрушает научные кадры, уменьшает научный вес научных работ в управлении страной и тормозит развитие науки. Лично я также заявлял, что сам факт ареста научных сотрудников объективно льет воду на мельницу [...] обостряет внутривластическое положение в стране, ускоряя момент развязки, который встанет при неизбежном столкновении в войне с другими государствами... Основной вывод, который я делал в этом вопросе, сводился к следующему: процессы являются политической игрой, рассчитанной на то, чтобы переложить на обвиняемых ответственность за неудачи и нехватки, которые имеются в культурном и хозяйственном строительстве страны в результате неправильной политики ЦК ВКП(б)».

3. Из Обвинительного заключения 17 декабря 1938 г. (с. 63).

В IV отд. УГБ УНКВД ЛО поступили данные о том, что профессор Ленуниверситета и научный сотрудник Института Востоковедения Генко А. Н. и переводчица Гидрографического Управления г. Ленинграда Векслер Людмила Филипповна занимаются антисоветской деятельностью.

На основании вышесказанного 9.IV.38 был арестован Генко А. Н., а 30.IV с. г. — Векслер Л. Ф.

Следствие установило:

— Обвиняемый Генко на протяжении ряда последних лет вел антисоветскую пропаганду, клеветнически утверждал о том, что Советская власть разрушает научные кадры, сознательно тормозит развитие науки в СССР и не создает нормальных условий для научной деятельности.

Тогда же обвиняемый Генко А. Н. распространял антисоветские клеветнические измышления о якобы неправильной политике ВКП(б) и Советского правительства в управлении страной (с. 11—18).

— Обвиняемая Векслер Л. Ф. на протяжении с 1934 по 1938 г. вела контрреволюционную пропаганду среди своих знакомых и распространяла клеветнические измышления о руководстве ВКП(б) и Советском правительстве и в особенности против Сталина. Также установлено, что обвиняемая Векслер высказывала сожаление о расстрелянных троцкистах и зиновьевцах и одобряла их контрреволюционную деятельность (с. 8, 13—16, 18—22, 24—25, 27, 29, 33, 35).

4. Из Протокола допроса Векслер Л.Ф. 14 марта 1939 г. (с. 75).

С.: По вопросу вашей контрреволюционной работы, которую вы на протяжении ряда лет проводили вместе с Генко, вам были даны очные

ставки со свидетелями. Есть ли смысл вам дальше запереться? Предлагаем вам дать правдивые показания по существу предъявленного вам обвинения.

Векслер: Я на предыдущих допросах следствию заявляла и сейчас повторяю, что кроме антисоветских анекдотов, которые я рассказывала в кругу своих знакомых, а также и Генко, ничего больше преступного не проводила.

5. В деле имеются поразительные материалы:

- рапорт следователя, ведшего допрос Векслер, об избиении ею сотрудника НКВД, вошедшего в кабинет во время допроса;
- объяснительная записка Векслер о том же инциденте.

Из этих документов следует, что во время допроса Векслер сидела, закинув ногу на ногу. Вошедший начальник потребовал от нее сесть как полагается. Векслер выразила желание ознакомиться с инструкцией о том, как должен сидеть заключенный. Разгневанный начальник скинул ее ногу, за что она надавала ему пощечин так, что он с воем вылетел в коридор. Никаких неприятностей по поводу происшедшего у Векслер не было. Следователи, ведшие ее дело, как об этом рассказывала она сама, откровенно радовались посрамлению своего начальника.

Своих следователей Л. Ф. развлекала анекдотами, пара которых изложена (для примера) в протоколах допросов. Необычную обстановку на допросах можно объяснить лишь растерянностью следователей в момент начавшихся повальных арестов в их собственной среде («бериевцы» расправлялись с «ежовскими» кадрами НКВД).

6. В деле сохранилось заявление Панек Л. Б. (жена Генко) прокурору Хайкиной от 20.X.39 с просьбой вызвать свидетелей с других мест работы А. Н. Генко (с. 119).

7. Из Постановления о прекращении следственного производства и освобождении из-под стражи Генко А. Н. (с. 276).

[...] на основании поступивших материалов об антисоветской деятельности 9.IV.38 был арестован Генко А. Н.

В процессе следствия обвиняемый Генко А. Н. дал показания о том, что он с 1934 г. по день ареста распространял антисоветскую агитацию среди своих знакомых, Векслер (арестована) и других.

Допрос свидетелей также подтвердил, что Генко А. Н. действительно распространял антисоветскую агитацию. Так, на допросе от 5.III.39 свидетель Верховский Юрий Павлович показал, что «Генко мне известен как антисоветски настроенный элемент» (с. 12—15).

В подтверждение своих слов свидетель Верховский Ю. П. не показал конкретно фактов антисоветской деятельности Генко А. Н., поэтому свидетель Верховский был передопрошен 27.XII.39 и показал следствию: «О контрреволюционной деятельности Генко А. Н. мне ничего неизвестно, антисоветского за ним я ничего не слыхал и считал его честным человеком» (с. 81—82).

Свидетель Пономарев Александр Иванович 3.III.39 по делу Генко А. Н. дал следующие показания: «Мне известно, что Генко А. Н. является антисоветски настроенным человеком... Генко А. Н. мне в 1937 г. заявлял, что в наших условиях отсутствуют всякие стимулы к научной

работе, ибо работа как таковая никем не оценивается, и более того, маринуется» (с. 84, 136, 137).

Перепроверяя показания свидетеля Пономарева, он был передопрошен 27.XII.39, где заявил: «Каких-либо контрреволюционных высказываний со стороны Генко А. Н. я никогда не слышал... Я помню, как Генко А. Н. в 37—38 гг. на производственном совещании заявлял, что его труды не печатаются, но эти высказывания относятся к руководству нашего института... Предыдущая моя оценка Генко А. Н. была вызвана тем, что после ареста Генко А. Н. в институте говорили, что он разоблачен как вредитель, а поэтому я расценивал Генко А. Н. как несоветски настроенного» (с. 133—134).

Свидетель Штакельберг Ольга Васильевна также показала на допросе от 7.VI.38, что ей известно от Векслер Л. Ф. (арестована) о Генко А. Н., который при разговоре с Векслер Л. Ф. клеветал на вождей ВКП(б) и Советского правительства (с. 46). На допросе же от 17 июля 39 г. Штакельберг Ольга Васильевна заявила, что «она не помнит разговора Генко А. Н. с Векслер и что передавала ей Векслер Л. Ф. о Генко А. Н., она рассказать не может».

Таким образом, свидетели, проходившие по делу Генко А. Н., давшие впервые свои показания о Генко А. Н. как об антисоветском человеке, распространявшем контрреволюционную агитацию, от своих показаний отказались и заявили, что антисоветского за Генко они ничего не знают.

Обвиняемый Генко А. Н. от данных им ранее показаний отказался как несоответствующих действительности, других данных о контрреволюционной агитации со стороны Генко А. Н. следствие не имеет, а поэтому, в порядке ст. 204 п. «б» УПК

постановил:

Следственное производство в отношении Генко А. Н. прекратить. Генко А. Н. за недостаточностью улик из-под стражи освободить.

8. Из Частного определения (с. 279).

За дачу ложных показаний возбудить уголовное преследование против Штакельберг Ольги Александровны, Штакельберг Ольги Васильевны и Смирновой Ольги Ивановны.

8 января 1940 г. был освобожден А. Н. Генко, а 25 марта 1940 г. — Л. Ф. Векслер.

Дело № 3433-41 на Генко Анатолия Несторовича

1. Из Постановления на арест (1 сентября 1941 года).

Генко А. Н. в 1938 году привлекался органами НКВД за антисоветскую деятельность. Будучи враждебно настроен к советской власти, распространяет клеветнические измышления и провокационные измышления о мероприятиях, проводимых ВКП(б) и сов. правительством, о руководителях ВКП(б) и сов. правительства, о действиях органов НКВД. С начала войны СССР с фашистской Германией высказывает пораженческие измышления о Красной Армии, о сообщениях Сов. Информбюро, восхваляет фашистскую армию.

На основании вышесказанного, руководствуясь ст.128 УПК РСФСР

Постановили: Генко А. Н. подвергнуть аресту, по месту его жительства произвести обыск, на имущество наложить арест, а площадь опечатать.

Андреев   Пинчук   Ефимов   (подписи)

2. Постановление от 1 октября 1941 года об избрании меры пресечения.

Я, оперуполномоченный мл. лейтенант госбезопасности Андреев, рассмотрев поступившие в УНКВДЛО материалы о преступной деятельности А. Н. Генко, нашёл:

Генко, будучи враждебно настроенным к Сов. власти, совершил преступление, предусмотренное ст. 58-10, II УК. Принимая во внимание, что дальнейшее нахождение на свободе Генко А. Н. является социально опасным, руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК, постановил:

мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении Генко избрать содержание под стражей во внутренней тюрьме УНКВД, о чем в [...] ст. 146 УПК объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

3. Из Протокола обыска от 2 октября 1941 г. (с. 9).

При обыске изъято:

[...] 8) записных книжек 7 шт. с адресами и записями, фотокарточек 7 шт: 2 шт. групповых и 5 одиночных; 9) писем 62 шт., принадлежащие Генко; 10) открыток 9 шт.; 11) телеграммы и др. переписка на 29 л.

4. Акт об уничтожении изъятого при обыске (с. 13).

5. Акт об опечатании комнаты 10 м² (с. 14).

В деле имеются протоколы:

а) допроса свидетеля обвинения Е. Э. Бертельса от 22 сентября 1941 года;

б) допросов обвиняемого А. Н. Генко от 5 октября, 15 октября, 20 октября и 13 ноября;

в) очной ставки А. Н. Генко и Е. Э. Бертельса от 20 октября 1941 года.

Выписки из части документов приводятся ниже.

6. Из протокола допроса Е. Э. Бертельса от 22 сентября 1941 года 10 ч. 55 мин., следователь Андреев (с. 15):

С.: На допросе 21 сентября вы назвали ряд лиц, известных вам как антисоветски настроенных. Расскажите подробно, что вам известно об антисоветской деятельности перечисленных вами лиц, и охарактеризуйте их с политической стороны.

Б.: Генко совершал многочисленные поездки по глухим местам Кавказа и возвращаясь рассказывал о «бедственном положении», в котором находится их население якобы вследствие притеснения со стороны Сов. власти и бесчисленных произвольных арестов. Был заключен под стражу в 38 году и примерно через 1,5 года освобожден и снова приступил к работе в институте. С самого начала Отечественной войны распространял в институте панические слухи о якобы имевших место тяжких поражениях, понесенных Красной Армией, и об успехах, одержанных

фашистскими войсками. По мере приближения фашистских войск к Ленинграду количество распространяемых им слухов все возрастало. После каждого налета фашистских стервятников на Ленинград он на другой же день подробно сообщал, что такие-то заводы оборонного значения во время этого налета были почти полностью уничтожены. Утверждал, что наблюдал собственными глазами, как были уничтожены заводы «Красный треугольник» и им. Марти. Высказывал мнение, что германская авиация может действовать беспрепятственно, так как огонь зенитной артиллерии не эффективен, а у нас якобы нет достаточного количества истребителей. Уже до ареста был настроен антисоветски, утверждал, что в Сов. Союзе наука не может свободно развиваться, будучи связана с политикой. Колхозный строй, по его словам, привел горцев Кавказа к полному разорению, в результате чего они непрерывно голодают. Национальная политика Сов. власти создавала, по его словам, невыносимое положение для малых народов, страдавших от великодержавного шовинизма грузин и азербайджанцев. Чрезвычайно резко отзывался о грузинской общественности, которая, по его словам, ненавидит все русское, но при этом сама не способна к государственному строительству. Советовал востоковедам остерегаться актуальных тем в научной работе, ибо всякое соприкосновение с жизненно важной тематикой (особенно словарная работа в области национальных языков народов Союза) якобы неизбежно повлечет за собой для ее авторов репрессии...

(Далее Бертельс охарактеризовал как антисоветчика Рапгофа Бориса Евгеньевича.)

7. Из Протокола допроса А. Н. Генко от 5 октября 1941 года, 17.30 — 19.15, следователь Андреев (с. 23).

Генко: «[...] социальное происхождение "из дворян", отец был изсловия личного дворянства... С арестованным сводным братом Нестором Несторовичем Генко связи практически не имел».

8. Из Протокола допроса А. Н. Генко от 15 октября 1941 года, 0.35 — 7.00 (с. 26).

С.: [...] ваши знакомые?

Генко: По Академии [...]: Крачковский Игнатий Юлианович, Алексеев Василий Михайлович, Козин Сергей Андреевич, Беляев Виктор Иванович, Семенов Даниил Владимирович, Разумовская Евгения Александровна, Дондуа Варлаам Дариспанович, Тихонов Дмитрий Иванович, Пономарев Александр Иванович; по Институту этнографии: Винников Исаак Натанович, Абрамзон Саул Матвеевич, Попов Андрей Александрович, Дыренкова Надежда Петровна, Липская Нина Александровна, Ольдерогге Дмитрий Алексеевич, Юзепчук Тамара Леонидовна; по Университету: Ларин Борис Александрович, Жебелев Сергей Александрович, Дмитриев Николай Константинович, Щерба Лев Владимирович, Пещерева Елена Михайловна, Бандштег Александр Васильевич, Разумовский Константин Иванович, Поппе Николай Николаевич, Бауэр Николай Павлович, Уразов, Фрейман Александр Арнольдович; по ИВАНу: Крауш Ольга Александровна; еще знакомые, с которыми нет близких дружественных отношений — Бертельс Евгений Эдуардович, Гинцбург Иона Иосифович, Зюзина Зоя Еремеевна.

С.: Как именно вы давно знакомы с Бертельсом?

Генко: С Бертельсом я знаком с первых дней Октябрьской революции, так как мы с ним учились в одном университете, то есть с 1918 года примерно. Затем на протяжении ряда лет мне приходилось с Бертельсом работать в одних учреждениях.

С.: Каковы были ваши взаимоотношения с Бертельсом?

Генко: Отношения мои с Бертельсом на протяжении многих лет совместной работы в ряде научных институтов были внешне корректными, но по существу враждебные. Причиной скрытой враждебности между нами служило не скрывавшееся мной отрицательное отношение ко всей линии поведения Бертельса, которое я ему в лицо характеризовал как соглашательское и беспринципное, что служило причиной плохого отношения его ко мне.

С.: Что вам известно о политических убеждениях Бертельса?

Генко: К сожалению, ввиду тщательной маскировки Бертельсом своих взглядов и убеждений вообще, политических, в частности, затрудняюсь ответить точно на поставленный вопрос. Прямых и ясных антисоветских высказываний, тем более контрреволюционных действий Бертельса, мне не известно.

С.: (с. 29). Вы заявляете о том, что свидетель Бертельс на вас клеветает, а, следовательно, вы хотите сказать, что антисоветской агитацией вы не занимались.

Генко: Да, это так.

С.: Объясните следствию, какой же смысл свидетелю говорить на вас неправду.

Генко: Смысл заключается в том, чтобы [...] легким и выгодным для себя образом быть полезным НКВД. Бертельсу было хорошо известно о том, что я подвергался недавно 2х-годичному следствию и что его клевета может поэтому, с обывательской точки зрения, иметь некоторое правдоподобие; во-вторых, называя меня, человека ему чуждого и враждебного, он избавляется тем самым от необходимости называть кого-либо из более близких ему и лучше известных с политической стороны антисоветски настроенных людей.

Клевета Бертельса меня не удивляет, ибо он давно мне известен на основании ряда примеров (в частности, следственное дело 38 года, касавшееся одновременно меня и гр-ки Векслер) как человек, способный на клевету со своей корыстной целью.

9. Из Протокола допроса А. Н. Генко от 20 октября 1941 года, 0.50—3.25.

Генко: [...] Виновным себя в предъявленных обвинениях я не признаю.

10. Из Протокола очной ставки А. Н. Генко и Е. Э. Бертельса 20 октября 1941 года, 13.00—13.45 (с. 32).

Следователи Челноков, Ефимов, стенографистка Колбеева.

С.: Расскажите о ваших отношениях с Бертельсом.

Генко: Линии нашего поведения, как служебная, так и общественная, во многом расходились.

С.: В чем именно расходились?

Генко: По многим вопросам общественно-административного порядка. У нас бывали резко противоположные позиции в оценке разных научных мероприятий, например, в вопросе работы над словарем.

С.: [...] к чему сводились ваши расхождения по служебным вопросам?

Генко: Они сводились к различию установок, которые давались нами по тем или иным вопросам.

С.: Какая разница была в ваших установках и в установках Бертельса?

Генко: Позиция Бертельса всегда была соглашательской, каждый данный момент он занимал такую позицию, чтобы не вступать в конфликт.

С.: Какова была ваша позиция?

Генко: Моя позиция исходила из принципиальности, которая казалась мне правильной в данный момент в каждом данном вопросе, независимо от тех трудностей, которые возникали.

С.: Расхождения между вами и Бертельсом имели в своей основе политический характер или же являлись следствием разницы в методологическом подходе к разрешаемому вопросу?

Генко: Как мне кажется, эти расхождения были не политического характера.

С. (к Бертельсу): Расскажите, что вам известно о политических настроениях и антисоветских высказываниях Генко.

Б.: Я могу сказать, что последнее время главным источником информации для меня являлся А. Н. Генко. Относительно успехов немецкого оружия, относительно приближения того или иного участка боев и так далее — каждый раз, когда он приходил, я получал новые сведения по этим вопросам.

С.: Какой характер имела эта информация?

Б.: Эта информация имела панический характер. Как конкретный пример этому, могу привести такой случай, когда он рассказывал о том, что он собственными глазами видел, как немецкие самолеты разрушили какой-то завод, кажется, завод им. Марти, а со стороны нашей авиации никакого сопротивления не было и «немцы спокойно бомбили, как хотели». Затем я помню, как он сказал, когда я спросил у него о сводке (я в этот день сводки не читал), что «в сводке никогда ничего нет» [...]

С.: Подобного рода беседы, распространяющие панические сведения, Генко вел только с вами или же и с другими сотрудниками Академии Наук?

Б.: Думаю, что со многими сотрудниками [...]

С. (к Генко): Правильно показывает Бертельс?

Генко: Нет, я решительно протестую против этого. Прежде всего, я должен сказать, что разговоров лично с Бертельсом, наедине, с глазу на глаз, на военные темы со времени начала войны у меня не было. Я не помню ни одного случая, когда бы я разговаривал лично с Бертельсом и одновременно при этом не присутствовал бы целый ряд лиц. Это одно обстоятельство. Надеюсь, что он отрицать этого не будет [...]

Я считаю, что Бертельс или роковым для меня образом ложно воспринимал то, что я говорил об этом заводе в этих разговорах, или же это злостная интерпретация моих слов, не соответствующая действительности.

С. (к Генко): Какие разговоры вы вели о перенесенном вами во время ареста?

Генко: Почти никаких разговоров я не вел, я говорил лишь о характере предъявленного мне обвинения.

С. (к Генко): О мучениях каких-либо вы говорили?

Генко: Нет, об этом я не говорил ничего.

С. (к Бертельсу): Говорил Генко о каких-либо мучениях, которые он перенес во время ареста?

Б.: Нет, конкретно ничего не говорил.

С. (к Бертельсу): А как он говорил?

Б.: Прямо он ничего не говорил, а намеки делал.

С. (к Бертельсу): Какие антисоветские высказывания о национальной политике со стороны Генко вам известны?

Б.: По вопросам национальной политики мне известно, что Анатолий Несторович указывал, что мелкие национальности, имеющиеся на Сев. Кавказе, страдают от великодержавного шовинизма Грузии и Азербайджана и в результате этого страдают их языки, культура, что им не дается возможность свободно развиваться. Относительно Грузии он говорил, что это самые ярые шовинисты, которые ненавидят все русское, русскую культуру, а сами в свою очередь не особенно сильны в научных областях.

С. (к Бертельсу): Но вы хорошо помните, что смысл высказываний Генко по вопросам национальной политики Сов. власти на Сев. Кавказе сводится к тому, что национальная политика Сов. власти на Сев. Кавказе создавала невыносимое положение для мелких народностей?

Б.: Да [...]

С. (к Бертельсу): Он клеветал [...] о грузинской общественности?

Б.: Да [...]

С. (к Бертельсу): Какие антисоветские высказывания со стороны Генко имели место по вопросу колхозного строительства?

Б.: Генко говорил, что колхозное строительство приводило к обнищанию крестьянства и к голоду.

С. (к Бертельсу): Как относился Генко к научной работе в условиях Сов. Союза?

Б.: Он неоднократно высказывался, что эта работа поставлена в очень тяжелые условия, что эта работа связана с целым рядом политических требований, для удовлетворения которых нельзя удовлетворительно разрешать научные задачи. Конкретно в целом ряде случаев бывает так, что при наиболее серьезных исследованиях по вопросам языкознания сталкиваешься с репрессиями. Был такой разговор, что какой смысл заниматься такой работой, если она приводит к аресту или еще к чему-либо в таком роде.

11. Из протоколов допросов свидетелей:

а) 7 ноября 1941 года — Шестиной Нины Павловны, заведующей библиотекой ИЭ;

б) 7 ноября 1941 года — Липской Нины Александровны;

в) 8 ноября 1941 года — Беляева Виктора Ивановича;

г) 23 декабря 1941 года — Абрамзона Саула Матвеевича, заместителя директора ИЭ;

д) 24 декабря 1941 года — Попова Андрея Александровича.

Все эти лица отзывались об А. Н. Генко как о выдающемся ученом, об антисоветских настроениях и высказываниях которого им ничего не известно.

12. Записка Винникова Исаака Натановича, директора ИЭ, 8 ноября (?) 1941 года. Подробно характеризует А. Н. Генко как незаурядного ученого и человека.

13. Из Протокола обвинения об окончании следствия и предъявлении [...] обвинения от 24 ноября 1941 года.

[...] Со следственными материалами ознакомлен полностью, виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и считаю нужным и необходимым заявить, что признаваемое мною и отмеченное некоторыми свидетелями показывает активное участие мое в обществ...

14. Акт медицинского освидетельствования А. Н. Генко от 4 октября 1941 года. (Диагноз — порок сердца.)

15. Акт наружного осмотра трупа А. Н. Генко от 26 декабря 1941 г. Отмечено «резко ослабленное питание». Врач Грилихес.

16. Рапорт врача Грилихеса:

[...] находился в больничной камере с 18 декабря с низким упадком питания и заболеванием сердца в форме грудной жабы. Состояние в течение последних дней резко ухудшилось. 25 декабря был приступ грудной жабы. Принятые меры были безрезультатны. При явлениях нарастающей сердечной слабости в 10.30 А. Н. Генко скончался.

К делу прилагались 2 фотографии А. Н. Генко. Первая фотография со служебного пропуска в ИВ АН, вторая — сделанная в тюрьме (фас и профиль), наглядно свидетельствующая о сильном истощении.

Об этом же свидетельствует недавно обнаруженная в деле № П44-14 записка:

Генко Анатолий Несторович
1 корпус, камера 224
22 ноября 1941 г.

Заявление

Теряя по недостатку питания последние силы, обращаюсь к гуманности советского следствия. Прошу разрешить передать мне из дому сахар (или что-либо замещающее таковой) и 2—3 коробки спичек. Одновременно прошу дать мне возможность представить собственноручные письменные показания по существу предъявленного обвинения, пока я еще в состоянии писать, а не заболел окончательно.

А. Генко.

2 декабря разрешение было дано, о чем мы узнали 15 декабря. 19 декабря сделали передачу из того немногого, что удалось выменять на толкучке.

В период следствия А. Н. Генко содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы УНКВД (ул. Воинова — Шпалерная, 25). Умер 27 декабря в больничном изоляторе этой же тюрьмы. Место захоронения неизвестно.

Обвинения, предъявленные А. Н. Генко и в 1938, и в 1941 гг., привлекают внимание отсутствием бредовых измышлений, столь характерных для следственной практики того периода. Многие из вменявшегося ему в вину соответствовало его убеждениям и высказываниям. Искажения усматриваются в двух свидетельствах Е. Э. Бертельса:

— Разговоры о бомбежках города, которые вел отец, не носили панического характера ни по форме, ни по содержанию. В них проявлялась лишь деловая обеспокоенность, побуждавшая его принимать практические меры к сохранению рабочих материалов и книг на службе и дома.

— В Грузии у отца было немало друзей. Негативные высказывания касались исключительно деятелей партийно-правительственного аппарата этой республики.

Сведения о лицах, упоминаемых в протоколах следствия

- Абрамзон Саул Матвеевич (1905—1977) — тюрколог, этнограф, зам. директора ИАЭ.
Алексеев Василий Михайлович (1881—1951) — крупнейший китаист, профессор ЛГУ и других вузов, с 1929 г. действительный член АН СССР.
Бандштедт Александр Васильевич — ?
Бауэр Николай Павлович (1888—1942) — сотрудник отдела нумизматики Эрмитажа (с 1918 по 1938), ИИМК (с 1938 по 1942). В 1942 г. репрессирован и расстрелян.
Беляев Виктор Иванович (1902—1976) — востоковед-арабист, с 1938 г. доцент, с 1963 г. профессор ЛГУ.
Бертельс Евгений Эдуардович (1890—1957) — известнейший иранист, зав. отделом ИВ, с 1939 г. член-корреспондент АН СССР. Дважды — в 1925 и 1941 гг. — подвергался кратковременным арестам.
Васильев Борис Александрович (1899—1937) — китаевед, профессор ЛГУ и других вузов, сотрудник ИВ. В 1937 г. арестован и расстрелян.
Векслер Людмила Филипповна (1909—1965) — иранист-литературовед, работала в ИВ, Гидрографическом управлении Ленинграда, в Эрмитаже, ГПБ (с 1940 по 1945), библиотеках Военно-морского музея и Института им. Лесгафта.
Верховский Юрий Павлович (1891—1962) — иранист, сотрудник ИВ.
Винников Исаак Натанович (1897—1973) — семитолог-лингвист, этнограф, историк Средней Азии, профессор ЛГУ, директор ИАЭ.
Гинцбург Иона Иосифович (1871—1942) — семитолог, гебраист, сотрудник ИВ, умер в блокаду.
Дмитриев Николай Константинович (1898—1954) — выдающийся лингвист-тюрколог, профессор ЛГУ, с 1943 г. член-корреспондент АН СССР.
Дондуа Варлаам Дариспанович (1895—1969) — грузиновед-историк, сотрудник ИВ до сентября 1941 г. В послевоенные годы работал в Институте истории Грузинской АН, преподавал в Тбилисском университете.
Дыренкова Надежда Петровна (1899—1941) — этнограф, специалист по народам Южной Сибири, сотрудник ИАЭ. Умерла в блокаду.
Жебелев Сергей Александрович (1867—1941) — историк-эллинист, археолог, филолог-классик, профессор ЛГУ, действительный член АН СССР с 1927 г. Умер в блокаду.
Зюзина Зоя Еремеевна (1906—1985) — библиотекарь ГПБ (с 1925 по 1972, с перерывами); дочь Зюзина Еремея Даниловича, всю жизнь проработавшего в библиотеке ИВ и умершего в блокаду в 1942 г. прямо в библиотеке.
Казакевич Владимир Александрович (1896—1937) — монголист, преподаватель ЛИЖВЯ—ЛВИ, ЛИЛИ, ЛИФЛИ, ЛГУ, сотрудник ИВ, Эрмитажа.
Козин Сергей Андреевич (1879—1956) — выдающийся монголист, профессор ЛГУ, с 1943 г. действительный член АН СССР.
Крауш Ольга Александровна (1902—1942) — арабист, сотрудница ИВ. Умерла в блокаду.
Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — крупнейший арабист, с 1921 г. действительный член АН СССР; зав. арабским кабинетом ИВ.

- Ларин Борис Александрович (1893—1964) — известный языковед-славист, диалектолог и лексикограф, профессор ЛГУ.
- Липская Нина Александровна (1895—1942) — этнограф, специалист по народам Приамурья. Умерла в блокаду.
- Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903—1987) — выдающийся африканист, зав. отделом Африки в ИАЭ, с 1960 г. член-корреспондент АН СССР.
- Панек Лидия Борисовна (1896—1984) — этнограф-кавказовед, сотрудник ИЭ (1925—1950), Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН (1950—1953). Жена А. Н. Генко.
- Пещерева Елена Михайловна (1897—1985) — иранист, тюрколог, этнограф, лингвист, специалист по Средней Азии, преподаватель ЛГУ. Вдова погибшего в тюрьме во время следствия востоковеда-этнографа Федора Артуровича Фиельструга (1889—1933).
- Пономарев Александр Иванович (1886—1942) — тюрколог, работал в ИВ. Умер в блокаду.
- Попов Андрей Александрович (1902—1960) — этнограф, специалист по народам Сибири, сотрудник ИАЭ.
- Поппе Николай Николаевич (1897—1991) — выдающийся монголист, сотрудник ИВ, преподаватель ЛГУ, член-корреспондент АН СССР. С 1943 г. жил и работал в Германии и США.
- Разумовская Евгения Александровна (1906—1943) — арабист, историк Ближнего Востока и Средней Азии, сотрудник ИВ. Умерла в блокаду.
- Разумовский Константин Иванович (1905—1942) — китаист, специалист по искусству Китая, преподаватель ЛГУ, Академии художеств, сотрудник ИВ. Умер в блокаду.
- Рапгоф Борис Евгеньевич — ?
- Семенов Даниил Владимирович (1890—1943) — арабист, сотрудник ИВ. Умер в блокаду.
- Смирнова Ольга Ивановна (1910—1979) — иранист, сотрудник ИВ.
- Тихонов Дмитрий Иванович (1906—1981) — китаист, историк Центральной Азии, сотрудник ИВ.
- Уразов Иван ...? — сотрудник Гос. ин-та медицинских знаний.
- Фрейман Александр Арнольдович (1879—1968) — выдающийся иранист-филолог, профессор ЛГУ и других вузов, с 1928 г. член-корреспондент АН СССР.
- Шастина Нина Павловна (1898—1980) — монголист, работала зав. библиотекой ИАЭ, в Москве — в ИВ.
- Штакельберг Ольга Александровна (1907—1942) — японист, работала в Эрмитаже с 1935 по 1936 г., затем уезжала на Восток; вернувшись, служила в Гидрографическом управлении г. Ленинграда.
- Штакельберг Ольга Васильевна (? — 1942) — мать О. А. Штакельберг.
- Щерба Лев Владимирович (1880—1944) — выдающийся языковед, лексиколог, специалист по фонетике, профессор ЛГУ и других вузов, с 1943 г. действительный член АН СССР.
- Щуцкий Юлиан Константинович (1897—1938) — китаист, филолог, историк, преподаватель ЛГУ и других вузов, сотрудник Эрмитажа, ИВ. В 1937 г. арестован и расстрелян.
- Юзепчук Тамара Леонидовна (1905—2001) — художник ИАЭ с 1944 г. по 1983 г.